

А.П. Нечаев

**Учебник психологии для
средних учебных заведений**

Издание пятое.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
А11

А11 **А.П. Нечаев**
Учебник психологии для средних учебных заведений: Издание пятое. / А.П. Нечаев – М.: Книга по Требованию, 2020. – 155 с.

ISBN 978-5-458-53821-3

С 37 рис. в тексте, 60 задачами и с описанием простых психологических опытов.

ISBN 978-5-458-53821-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

(134—136). Дѣятельность воли въ области мышленія (85). Происхожденіе произвольныхъ движеній (127—141). Отношеніе воли къ чувствованіямъ (29, 131). Привычка и ея значеніе въ душевной жизни (140).

12. Единство душевной жизни (27, 137, 62—66). Личность (137). Самопознаніе (137).

А. Нечаевъ.

Петроградъ.

19 іюня 1915 года.

Г Л А В А I.

1. Что значитъ слово „психологія“?

„Психологія“—слово греческое и, въ буквальномъ переводѣ, значитъ „наука о душѣ“.

Это названіе, само по себѣ, еще недостаточно выясняетъ содержаніе и задачи нашей науки. Вообще надо помнить, что названіе науки далеко не всегда бываетъ опредѣленнымъ и точнымъ. Такъ, напр., названіе извѣстной отрасли природовѣдѣнія „физикой“ („физика“—„наука о природѣ“) тоже неопредѣленно, потому что „наукой о природѣ“ мы могли бы называть и астрономію, и химію, и ботанику. Содержаніе и задачи извѣстной науки опредѣляются не ея названіемъ, а тѣмъ кругомъ вопросовъ, которые она выясняетъ. Содержаніе науки растетъ, задачи ея измѣняются, а старое названіе остается тѣмъ же самымъ. Психологія сохраняетъ свое имя неизмѣннымъ въ теченіе многихъ вѣковъ, но ея содержаніе и задачи за это время сильно измѣнились.

2. Чѣмъ занималась психологія въ прежнее время и чѣмъ она занимается теперь?

Древніе греческіе ученые, положившіе начало психологіи, дѣйствительно, прежде всего стремились къ тому, чтобы построить „науку о душѣ“. Они старались понять: что такое душа? чѣмъ отличается все одушевленное, живое отъ неодушевленного, мертваго? вещественна душа или не вещественна? безсмертна или смертна? какъ связана она съ нашимъ тѣломъ? и т. д.

Душа (сущность душевной жизни).

На эти вопросы о душѣ, какъ она въ дѣйствительности существуетъ (или, короче, о сущности душевной жизни) еще въ древней Греціи давались различные отвѣты.

Нѣкоторые философы думали, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ вещества и его движенія. Вся душевная жизнь понималась ими только какъ особое проявленіе вещественнаго начала. „Душа,—говорили они,—это то, что движетъ нами, грѣетъ насъ и живетъ внутри насъ, проявляясь въ нашихъ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ“. Но изъ какого же вещества состоитъ душа? На этотъ вопросъ различные философы отвѣчали различно, въ зависимости отъ того, какъ вообще понимали они весь міръ. Были, напримѣръ, философы, которые думали, что весь міръ не что иное, какъ воздухъ, взятый въ разныхъ состояніяхъ (огонь, по ихъ мнѣнію, это разрѣженный воздухъ, вода — уплотненный воздухъ, земля—еще болѣе уплотненный воздухъ и т. д.). По ученію такихъ философовъ, и душа не что иное, какъ воздухъ (*Анаксименъ*, VII в. до Р. Хр.). Другіе понимали весь міръ, какъ разныя состоянія огня. Съ ихъ точки зрѣнія, и „душа“ признавалась огнемъ (*Гераклитъ*, VI в. до Р. Хр.). Были, наконецъ, и такіе мыслители, которые находили болѣе удобнымъ никакъ не опредѣлять то „первичное вещество“, изъ котораго состоитъ весь міръ. Они утверждали только, что весь міръ состоитъ изъ маленькихъ *недѣлимыхъ* матеріальныхъ частицъ (*атомовъ*), которыя соединяются между собою болѣе или менѣе плотно и такимъ образомъ создаютъ то твердые, то жидкіе, то газообразные предметы. По этому ученію, и наша душа есть собраніе матеріальныхъ атомовъ (*Демокритъ*, V в. Р. Хр.). *Всякое ученіе, по которому сущность всей душевной жизни составляетъ вещество, называется матеріалистическимъ.*

Но еще въ древней Греціи, на ряду съ ученіями матеріалистическаго характера, появился взглядъ на душу, какъ что-то нематеріальное. При этомъ указывали, что, въ противоположность внѣшнимъ вещамъ, душа недѣлима и разумна (*Анаксагоръ*, V в. до Р. Хр.). *Подобнаго рода ученіе, противоположающее сущность душевной жизни сущности матеріальныхъ вещей, называется дуалистическимъ. Начало, противоположное матеріи, называется духовнымъ или спиритуалистическимъ.*

Но, кромѣ вопросовъ о *самой душѣ*, еще у древнихъ грековъ стали подниматься вопросы о томъ, *что въ этой душѣ происходитъ* или *въ чемъ проявляется* существованіе души.

Можно было вѣрить или не вѣрить въ безсмертіе души, можно было считать ее матеріальной или нематеріальной, но нельзя было отрицать, что существуетъ душевная жизнь, т. е. различные мысли, чувства и желанія, переживаемыя нами. Въ этомъ душевномъ мірѣ многое казалось интереснымъ и загадочнымъ. Какимъ путемъ возникаютъ наши чувства и мысли? отчего иногда намъ такъ трудно бороться со своими стремленіями? Какъ наши мысли могутъ переходить въ дѣйствія? Отчего нѣкоторыя впечатлѣнія запоминаются нами легче, а другія труднѣе? Отчего мы иногда невольно обманываемся? и т. д. Всѣ эти вопросы (о *проявленіяхъ* душевной жизни) замѣтно отличаются отъ вопросовъ о сущности душевной жизни. Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, что такое душа (вещественна она или невещественна, безсмертна или нѣтъ), надо уже напередъ составить себѣ тотъ или другой взглядъ на весь міръ въ его цѣломъ. Въ зависимости отъ того, какъ человекъ смотритъ на весь міръ (т. е. каково его общее мировоззрѣніе), такъ или иначе рѣшается и вопросъ о *сущности* душевной жизни (или, короче, вопросъ о *душѣ*). Для рѣшенія же вопросовъ о *проявленіяхъ* душевной жизни (напр., о томъ, при какихъ обстоятельствахъ лучше дѣйствуетъ наша память), совсѣмъ нѣтъ необходимости напередъ устанавливать опредѣленный взглядъ на весь міръ, взятый въ его цѣломъ. Здѣсь прежде всего требуется хорошо наблюдать факты, данные въ опытѣ, умѣть подмѣчать и сравнивать то, что обнаруживается въ душевной жизни. Материалистъ и спиритуалистъ, непримиримые въ вопросѣ о сущности душевной жизни, могутъ очень дружно и съ одинаковымъ интересомъ изслѣдовать вопросъ о лучшихъ способахъ запоминанія или о вліяніи чувства на волю.

Вопросы, касающіеся *сущности*, называются **метафизическими**, а вопросы, относящіеся къ области *проявленій*, т. е. къ тому, что доступно нашему наблюденію, называются **эмпирическими**. Рѣшая вопросы перваго рода, люди опираются на свои общія философскія воззрѣнія или религіозныя, нравственныя и поэтическія вѣрованія. Рѣшая во-

**Душевыя
явленія.**

**Метафизическое и эмпирическое въ
проявленіи
психологій**

просы второго рода, мы прежде всего должны обращаться къ точному изученію фактовъ, данныхъ въ опытѣ (опытъ—по-греч. „эмпирія“).

До второй половины V вѣка до Р. Хр. въ древней греческой наукѣ душевная жизнь вызывала къ себѣ интересъ почти исключительно съ метафизической точки зрѣнія. Древніе философы толковали о сущности души и ея свойствахъ, оставляя почти совсѣмъ безъ вниманія изученіе воспоминаній, чувствъ, желаній, разсудочной и творческой дѣятельности. Но со второй половины V вѣка въ средѣ греческихъ ученыхъ пробуждается большой интересъ къ эмпирической сторонѣ душевной жизни. Въ этомъ отношеніи

Рис. 1. Сократъ.

большое историческое значеніе имѣла философская дѣятельность *Сократа* († 399 до Р. Хр.), постоянно призывавшаго людей къ внимательному наблюденію надъ своей душевной жизнью, или къ такъ называемому „самонаблюденію“. „Познай самого себя,—говорилъ Сократъ—это самое главное“.

Въ ближайшіе годы послѣ смерти Сократа въ греческой литературѣ появляется дѣльный рядъ произведеній, посвященныхъ выясненію эмпирической стороны душевной жизни. Въ этомъ отношеніи особенно интересны сочиненія *Платона* (ум. въ 347 г. до Р. Х.) и *Аристотеля* (ум. въ 322 г. до Р. Х.). Оба они удѣляютъ много мѣста разъясненію вопросовъ: какъ возникаютъ наши воспоминанія? Какое значеніе имѣютъ для душевной жизни зрѣніе, слухъ и другія наши внѣшнія чувства? Что такое сонъ? и т. д.

Съ этихъ поръ въ наукѣ не прекращается изученіе эмпирической (или опытной) стороны душевной жизни. Ученые старательно наблюдаютъ всевозможныя проявленія человѣческихъ мыслей, чувствъ и желаній, стремятся понять причины, отъ которыхъ зависятъ измѣненія настроеній и разницы въ характерахъ отдѣльныхъ людей.

Но долгое время изслѣдованіе фактовъ душевной жизни такъ тѣсно переплеталось съ разсужденіями метафизическаго характера, что иногда трудно было даже замѣтить, гдѣ кончается описаніе того, что дѣйствительно наблюдалось

учеными, и начинается изложеніе выводовъ, сдѣланныхъ ими изъ разныхъ философскихъ соображеній и религіозныхъ вѣрованій. Такъ, напримѣръ, ученый старался описывать и объяснять, какъ совершается у насъ припоминаніе забытаго. Для этого, прежде всего, приводился рядъ фактовъ изъ области душевной жизни, т. е. рядъ случаевъ, доступныхъ самонаблюденію (описывались разные случаи, когда человѣкъ припоминаетъ забытое). Но, вслѣдъ за этимъ, указывалось, что наша душа, еще до своего пребыванія въ нашемъ тѣлѣ, получала нѣкоторыя знанія, безъ которыхъ многое невозможно было бы вспомнить. Такое положеніе, очевидно, имѣетъ метафизическій характеръ, такъ какъ: 1) здѣсь идетъ рѣчь не только о фактахъ душевной жизни, но о самой душѣ и 2) жизни души до ея появленія въ тѣлѣ ни одинъ изъ ученыхъ не могъ наблюдать.

Въ XVII вѣкѣ среди англійскихъ психологовъ (*Локкэ*) начинается особенно сильный подъемъ интереса къ изученію чисто эмпирической стороны вопросовъ о душевной жизни. Въмѣстѣ съ этимъ среди англійскихъ ученыхъ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что наука можетъ изучать только тотъ міръ, который доступенъ нашему наблюденію, т. е. является намъ въ опытѣ. Все, недоступное нашему наблюденію, все, чего не въ состояніи познать нашъ разумъ, не можетъ быть предметомъ науки. Наука должна отказаться отъ рѣшенія метафизическихъ вопросовъ, предоставивъ ихъ религіи и философской вѣрѣ. Въ концѣ XVIII вѣка подобнаго же рода воззрѣнія съ большимъ успѣхомъ отстаиваетъ и знаменитый нѣмецкій философъ *Кантъ*, доказывавшій въ своихъ сочиненіяхъ, что вопросы о сущности вещей не подлежатъ научному изслѣдованію. Психологія, по взгляду Канта, тоже должна оставить вопросъ о сущности душевной жизни и заняться изслѣдованіемъ *душевныхъ явленій*, т. е. душевной жизни, насколько она доступна нашему наблюденію.

Вслѣдствіе всего этого, психологія постепенно становится чисто эмпирической наукой. Подобно другимъ эмпирическимъ наукамъ (напр., физикѣ, ботаникѣ, физиологіи), она прежде всего точно описываетъ наблюдаемые факты; затѣмъ эти факты сравниваются, сопоставляются между собою, проверяются разными способами, и, такимъ обра-

зомъ, постепенно выясняются законы, управляющіе душевной жизнью.

Такимъ образомъ, теперь психологія можетъ быть опредѣлена, какъ наука о душевныхъ явленіяхъ.

Конспектъ для повторенія.

„Психологія“—„наука о душѣ“.

Психологическія разсужденія могутъ касаться вопросовъ:

- 1) о *сущности* душевной жизни (о душѣ, ея безсмертіи и т. п.),
 - 2) о *проявленіяхъ* душевной жизни (воспоминанія, чувства и т. п.).
- Сущность душевной жизни нашему наблюденію недоступна, а проявленія душевной жизни доступны наблюденію. Вопросы о сущности душевной жизни называются *метафизическими*, а вопросы о душевныхъ явленіяхъ—*эмпирическими*.

Психологія изъ метафизической науки постепенно превратилась въ чисто эмпирическую.

Задачи: 1. Укажите эмпирическіе и метафизическіе элементы въ стихотвореніи Лермонтова „Ангель“.

2. Укажите, что въ этомъ стихотвореніи относится къ области эмпирической и метафизической психологіи:

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всё, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.
И, порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты.
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею холодной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.
И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ключемъ,
И милой дѣвы взоръ, на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всё красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.
Но, не грусти: земное минетъ горе,
Пожди еще—и воля недолга—
Въ одну любовь мы всё сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.

(Гр. А. Толстой).

3. Можетъ ли чисто эмпирическая психологія провозглашать матеріализмъ? А можетъ ли она провозглашать спиритуализмъ? Можно ли быть матеріалистомъ, не затрогивая метафизическихъ вопросовъ?

ГЛАВА II.

Чѣмъ отличаются душевныя явленія отъ всѣхъ остальныхъ явленій міра?

Мы называемъ психическія явленія внутренними. Мы противопоставляемъ ихъ явленіямъ внѣшней природы и считаемъ ихъ чѣмъ-то гораздо болѣе для себя близкимъ. Въ чѣмъ же выражается эта близость?

Явленія внѣшняго міра часто называются болѣе далекими для насъ, чѣмъ явленія міра психическаго. Что это значитъ? Представимъ себѣ, что человѣкъ находится въ превосходной внѣшней обстановкѣ, но никакъ не можетъ отдѣлаться отъ своихъ мрачныхъ мыслей,—что ему тогда весь этотъ блескъ!.. И обратно: вспомнимъ мучениковъ, съ радостнымъ сердцемъ всходявшихъ на костеръ и какъ будто вовсе не замѣчавшихъ мученій при сознаніи святости своего дѣла... Очевидно, явленія внѣшняго міра таковы, что человѣкъ можетъ иногда отрѣшиться отъ нихъ, можетъ весь, такъ сказать, уходить въ самого себя, цѣликомъ погружаться въ свои думы и чувства. Можно даже до такой степени равнодушно взглянуть на этотъ внѣшній міръ, что онъ весь покажется вамъ одной мимолетной грезой. Допустимъ себѣ, что мы теперь—во снѣ, что все, въ настоящую минуту переживаемое нами,—одна только греза, одинъ только сонъ, хотя, быть можетъ, очень яркій, опредѣленный, но все-таки сонъ. Представимъ, что на самомъ дѣлѣ внѣ насъ нѣтъ ничего того, что мы теперь видимъ и слышимъ... Вотъ какъ далеко можно отодвинуть отъ себя внѣшній міръ, вотъ до какой степени можно колебать его достовѣрность! Можно даже усомниться въ его дѣйствительномъ существованіи! Но къ душевнымъ явленіямъ нельзя такъ относиться. Это явленія несомнѣнныя. Если я испытываю радость или горе, то я могу сомнѣваться въ томъ, есть ли достаточная причина для этихъ

Несомнѣн-
ность душев-
ныхъ явленій.

чувствъ, но я не могу сомнѣваться въ томъ, что *эти чувства въ данную минуту дѣйствительно волнуютъ меня*. У меня возникаетъ рядъ воспоминаній. Я могу сомнѣваться въ томъ, вѣрны ли эти воспоминанія, но *нельзя отрицать того, что въ данную минуту все-таки я переживаю извѣстныя мысли*, которыя называются воспоминаніями. Еще примѣръ. Я слышу какой-то звонъ. Мнѣ кажется, что это дребезжить велосипедный звонокъ. Быть можетъ, я ошибся. Быть можетъ, вблизи даже никого нѣтъ. Быть можетъ, даже у меня просто, какъ говорится, зазвенѣло въ ухахъ. Но, какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что мнѣ *послышался* этотъ звонъ, что я пережилъ какое-то состояніе, о которомъ теперь говорю: „я слышалъ, какъ что-то прозвучало“.

Непосредственность душевныхъ явленій. Самонаблюденіе. Итакъ, отличительнымъ признакомъ душевныхъ явленій служить, то, что, переживая ихъ, нельзя сомнѣваться въ ихъ существованіи. Поэтому говорятъ, что существованія душевныхъ явленій нечего доказывать. Оно—очевидно.

Мы узнаемъ о существованіи душевныхъ явленій не посредствомъ какихъ-нибудь доказательствъ, а непосредственно изъ того, что нами наблюдается въ самихъ себѣ, т. е. изъ самонаблюденія.

Наблюденіе чужой душевной жизни. Изъ этого видно, что самонаблюденіе (introspectio)—основной источникъ нашихъ знаній о душевной жизни. О томъ, что такое радость, горе, страхъ, желаніе, мы ничего не могли бы знать, если бы сами никогда не испытали этихъ состояній. Душевной жизни другихъ людей мы непосредственно наблюдать не можемъ. Мы наблюдаемъ только внѣшнія выраженія чужихъ душевныхъ состояній ~~и~~, ставя себя на мѣсто другихъ, догадываемся (на основаніи своихъ прежнихъ самонаблюденій) о томъ, что они испытываютъ. Мы видимъ, напримѣръ, улыбку человѣка и, невольно вспоминая тѣ случаи, когда мы сами улыбались, начинаемъ думать, что этому человѣку теперь пріятно. Такимъ образомъ, наблюденіе чужой душевной жизни всегда заключаетъ въ себѣ: 1) наблюденіе движеній ¹⁾ даннаго существа и 2) истолкованіе этихъ движеній при помощи самонаблюденія.

¹⁾ Движенія обнаруживаются не только въ измѣненіи положенія отдѣльныхъ частей тѣла и выраженія лица, но также въ измѣненіяхъ голоса (движенія гортани и легкихъ), поблѣднѣніи и покраснѣніи кожи (движеніе кровеносныхъ сосудовъ), выдѣленіи слезъ, пота, слюны (движенія железъ).